

в виде сферы. Став гомогенным и «текучим» по горизонтали и вертикали, он делает монарха олицетворенным средоточием упорядоченного центробежного / центростремительного движения вод. А его подданных – субъектами движения по этим водам.

Номинально выступая от имени «народа», одописец фактически озвучивал самооценку монархии. Поэтому в целом барочный классицизм, очевидно, возрождает мифологические, бытийные мотивы построения модели мира человеком, «телесно» осваивающим этот мир себе и себя в нем.

Литература

- Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. М.-Л., 1936.
 Костров Е.И. Сочинения. СПб., 1802. Т.1-П.
 Ломоносов М.В. Избранные сочинения. М., 2009.
 Майков В.И. Избранные произведения. М.-Л., 1966.
 Петров В.П. Сочинения... СПб., 1811. Т.1-3.
 Сумароков А.П. Избранные произведения. Л., 1957.
 Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. М., 1781. Т.1-10.
 Сюжет и мотив в контексте традиции. Новосибирск, 1998.
 Херасков М.М. Творения... М., 1796-1803. Т.1-12.

С.А.Сионова

Елец, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Роль личности М.В.Ломоносова и его поэзии в творческой биографии М.Н.Муравьева

Значение личности и поэтического влияния М.В.Ломоносова на жизнь и творческую биографию М.Н.Муравьева несомненна. Об этом свидетельствуют архивные записи Муравьева, его поэтические признания в стихотворениях.

Архивные изыскания позволяют в определенной степени дополнить наше представление о жизни и поэтическом творчестве Муравьева. Так, запись на титульном листе №27 свидетельствует о биографических данных поэта, его первых шагах на литературном поприще:

1757. Смоленск, окт.25.

1768. Янв. 15. Москва в Гимн.унив.

1770. февр.

1771. Лето. Мое ученичество в стихослож. в Вологде.

1772. Из Вологды сент. В Петербурге 25 окт.

Октября 2 . Изм.Полку, солдат.

... ноября 24 капр. Обед с Вас.Ив.Майковым у Анны Андреевны.

1773 январь. 1 фуриер... в это время пошли басни. Мих.Мат.Херасков у Вас.Ив.Майкова в доме попрекал мне, что я не читал их никому прежде печати. Один вечер был я с батюшкой у Мих.Матв., коему читал перев. Федры.

Мы ужинали, Майков, Фонфизин, Храпов, Васильев. Княжна Ек.Вас. и пр.

... Переводные стихотворения.

1774. Янв. Похв.Слово Ломоносову. Гражданская брань. Читана В.И.Майкову.

... Майя 23. Каптенармус.

... Военная песнь. Читана В.И.М.

...Авг. Ода на заключ. мира, чит. В.И.М.

... Сент. 22. Сержант

1775. Оды.

... декаб. 29. Батюшка поех. с сестрой в Тверь [РНБ Ф.499, 27: Л.1].

Автобиографические сведения раскрывают суть поэтических интересов Муравьева. Они находятся в сфере литературы, поэзии. Обращает на себя внимание факт ученичества лета 1771 года, который был временем освоения и постижения тайн поэтического стихосложения под прямым и непосредственным руководством известных поэтов того времени В.И.Майкова, М.М.Хераскова. В то же время следует отметить, что примером в науке постижения стихотворства были не только знаменитые поэты-современники. Исследователи жизни и творчества Муравьева указывают на значимость для поэта гения М.В.Ломоносова. [Кулакова 1962: 4-42; Гуковский 1938; История

1947, 3: 240-242; Жуковский 1866: 12; Резниченко 1985: С.79-85; Уткина 1986: 126-145; Щеблыкин 1969].

Влияние Ломоносова на Муравьева было велико и многопланово. Преклонение перед Ломоносовым, любовь к нему, его мощному таланту русского гения и человеческим качествам были постоянны и неизменны на протяжении всей жизни Муравьева. В начале 1770-х годов он считал себя непосредственным учеником Ломоносова, яркость и выразительность поэтического слова которого были особенно близки молодому поэту. Он писал:

Я блеском обольщен прославившихся россов,
На лире пробуждать хвалебный глас учусь,
И за кормой твоей, отважный Ломоносов,
Как малая ладья, в свирепый понт несусь...

Подобное признание заслуг Ломоносова в стихотворении «Избрание стихотворца», написанного в начале 1770-х годов, было положено в основу прозаического произведения «Слово похвальное Михайле Васильевичу Ломоносову», в котором автор славит поэта и «гражданина Отечества». Интересным представляется факт полемики Муравьева с литературными противниками Ломоносова. Он пылко защищает «пышность», «громкость», «великолепие» ломоносовской поэзии. В «Слове...» автор убедительно показывает силу ломоносовского гения. Отмечая достоинства Ломоносова-ученого, Ломоносова-человека, Муравьев в первую очередь выделяет заслуги Ломоносова в становлении русской поэзии. Он отводит значительную роль поэту-предшественнику в выборе тематики поэтических произведений, их идейной направленности.

Следует обратить внимание на то, что Муравьев одним из первых постиг суть ломоносовской поэзии, которая, по его мнению, заключалась не только в содержании произведений, традиционном прославлении людей сильных мира сего, но и в поучении владык. Он отмечает: «Повелители народов, наместники божеской власти, градоначальники, притиките на глас гремящего витии, научитесь в стихах его должности своей» [Муравьев 1774:

13]. Несомненно, он обращает внимание и на оригинальность формы и стиля произведений Ломоносова, защищает его поэтические новации, видит воочию место Ломоносова на русском Парнасе, отмечает тот особый путь автора многочисленных од, поэтических произведений различных жанров, самостоятельность которого удивляла Муравьева. Это был путь, в «котором вкупе странствовал он и предводительствовал сам себе» [Муравьев 1774: 16]. Заключительные строки «Слова...» говорят о признании заслуг Ломоносова в науке и литературе, как самобытном явлении русской жизни: «Вещай сладкоречивый Ломоносов! Вещай похвалу свою, ибо твоему красноречию довлеет похвалет тебя. Тщетны усилия мои, тщетно усердие мое да воспоминание того, что ты был, дополнит то, чего я не могу сказать» [Муравьев 1774: 16]. Особая значимость произведений заключалась в том, что «Слово...» молодого поэта прервало молчание вокруг имени Ломоносова, которое было характерным явлением для 1770-х годов. Прозаическое «Слово...» было данью памяти великого человека и значительного поэта, который был примером творческого подхода в решении значительных проблем современного Муравьеву времени.

Муравьев учился у Ломоносова, пытался постичь специфику его поэтического таланта. Ему была присуща манера проникновения в сущность поэтического произведения. Анализируя стихотворения Ломоносова, молодой поэт приходил к определенным выводам. Подтверждением тому – архивные записи Муравьева: «Избегай стечения согласных для гладкости стихов и не делай подражательного согласия. Ломоносов умел так сделать, что они не гладки, хотя где и есть. А сие добавлял он себе великолепным изречения слога своего. За слогами огромными не гнаться, всякие употребления быть могут, но по местам. Изречения не умножать без пользы, следуя нынешним французским писателям. [РНБ Ф.499, 27: Л.3 (оборот)].

Интересным представляется факт написания произведений одического жанра по принципу «как у Ломоносова». В данном случае представляется возможным сравнение оды Ломоносова «Ода на торжественный праздник те-

зоименитства Ея Величества сентября 5 дня 1759 года» и муравьевского произведения «Ода на случай Кагульской битвы. Тематика обеих од практически одинакова: это события, которые волновали всю Россию. В основе оды Ломоносова лежит повествование о победе над королем прусским. Муравьев восхвалял победу русских войск в русско-турецкой войне. Оба автора в первую очередь отдают предпочтение восхвалению русских воинов, одержавших убедительную победу. Муравьев в данном случае выступает как прилежный ученик именитого поэта. Он следует традиции ломоносовского восхваления простых русских солдат, которые были основными героями побед над врагами Отечества. Патриотическая направленность произведений налицо. Характерен показ вражеского войска в оде Ломоносова. Он представляет врагов таким образом:

Подобно граду он густому
Летяще воинство теснил,
Искал со стороны пролomu
И рвался в сердце наших сил.

Напряженность действия усиливается сравнением-уподоблением. Оно передает характер движения вражеского войска, хитрость прусского командования. Строки ломоносовской оды наполнены конкретным энергическим содержанием, переданы своеобразным ритмом каждой строки. Подобному конкретному воплощению в слове мысли и чувства учился Муравьев у Ломоносова. Свидетельством тому архивные записи: «Чтобы написать хорошие стихи. Не надобно столь много об них умствовать, сколько читать из них самые прекрасные и стараться делать, сколько можно, ближайшие к прекрасным» [РНБ Ф.499, 30: Л.70]. Молодого поэта привлекала творческая деятельность Ломоносова разных лет. Многие произведения поэта Муравьев отмечал своим вниманием, находил в них то, что было ближе всего, а именно – прекрасное. Ода Ломоносова 1742 года выписана на отдельные листы муравьевского архива:

Взойди на брег крутой высоко,
Где кончится землею понт;
Простри свое чрез воды око,

Коль много обнял горизонт.
 Внимай, как юг пучину давит,
 С песком мутит, зыбь на зыбь ставит,
 Касается морскому дну,
 На сушу гонит глубину
 И с морем дождь и град мешает;
 Так Росс противных низлагает...

[РНБ Ф.499, 48: Л.78].

Эта ода появилась в записях Муравьева далеко не случайно. Она привлекла внимание поэта впечатляющей картиной победы Россов, яркостью и силой художественно – образной системы произведения, его идейной направленностью. Поэтические произведения Ломоносова были близки молодому поэту постановкой и разрешением важных для того времени проблем, привлекали глубиной, эмоциональностью изображения происходящих событий. Более того, в характере од поэта – предшественника Муравьев отчетливо видел независимость Ломоносова, его поэтическую самостоятельность.

Путь Ломоносова в поэзии был сложным и неадекватным, о чем свидетельствуют многие исследователи творчества поэта [Уткина 1986; Щерблюкин 1969]. Он много полемизировал со своими противниками по поводу содержания поэзии, ее формы. В этом плане интересно его стихотворение:

Я таинства хочу неведомые петь,
 На облаке хочу я выше звезд взлететь,
 Оставив низ, пойду небесною горою,
 Атланту наступлю на плечи я ногою.

Ломоносов был велик во всем. Он отчетливо понимал силу поэтического слова, индивидуальность каждого поэта и его право выбора формы и содержания стихотворений различных жанров. Обвинения противников сводилось в основе своей к изобилию «надутых изображений», «риторической приподнятости тона» и «гиперболичности образов» [Ломоносов 1959, 8: 10-15; История 1947, 3: 340-342].

Именно полемичность, отстаивание своей позиции, уверенность в своей правоте привлекала Муравьева в поэтическом творчестве Ломоносова. В то же время следует отметить, как считают исследователи, что личностное начало присуще многим одам Ломоносова [Резниченко 1985: 80]. Не осталась

без внимания Муравьева лирическая направленность одического жанра Ломоносова, некоторые отступления от канонов классицизма, что характерно было для поэзии Ломоносова 1760-х годов, где личностное превалировало над «должным». Подобная позиция импонировала Муравьеву. Кроме того, сама фигура великого ученого, теоретика литературы, значительного поэта «требовала все его восхищения» [Муравьев Выписки... РНБ Ф.499: Л.1].

Для молодого поэта Ломоносов был постоянным примером, начиная с детских лет, когда мальчиком заслушивался преданиями о нем в Архангельске, когда интересовался его поэмой «Петр Великий» в Петербурге. Учителем Ломоносов остался для Муравьева навсегда. Прежде всего, Муравьев видел в Ломоносове человека, близкого по духу, отношение его к поэзии вообще было навеяно Ломоносовым. Читая строки поэта старшего поколения, начинающий поэт приходил к интересным выводам: «Стихотворец велик не в подробности, а в целом» [РНБ Ф.499, 24: 11]. «Прежде начинания рассмотрел свои силы и склонности» [РНБ Ф.499, 24: 1]. «Чтобы заставить плакать других, наперед сам тронись до слез» [РНБ Ф.499, 24: Л.1 (помета на полях)]. «Истину с вымыслом так мешать, чтобы разницы не было. Вымысел, которого обстоятельства истинны, сам получает правдоподобие, Наблюдать нравы отроков, юношей, мужей, стариков; не сделать старика юношей» [РНБ Ф.499, 24: Л.1 (помета на полях)]. Обращает на себя внимание тот факт, что записи архива, свидетельствующие об «учении поэта в стихотворстве», помещены на страницах рядом со стихотворением без заглавия:

Коснеет лиры глас пресечен
Насильем страха моего.
О, кто мне даст, чтоб Россом встречен,
Влетел в объятия его.
И в восхитительно мгновенье
Безмолвен, успокоил рвенье
И душу облегчил свою.
Чтоб чувства новые заемля,
Еще помыслил, тихо внемля,
О песне, кою воспую...

[РНБ Ф.499, 24: Л.1 (оборот)]

Местонахождение стихотворения в дневнике поэта, содержание его свидетельствуют о неназванном адресате. Прямого указания на имя поэта в тексте не содержится. Однако следует отметить, что во многих произведениях и записях дневникового характера Муравьев называет Ломоносова «Россом», «великим поэтом России». В контексте рассмотрения вопросов отношения Муравьева к Ломоносову это небольшое по объему стихотворение значительно проясняет ситуацию. Основная тема его – преклонение перед талантом и гением Ломоносова. В то же время начинающий поэт стремится найти свое место в поэзии. Произведение отличается особой эмоциональностью, глубоким лиризмом, волнующе передаются чувства самого автора. Насыщенность стихотворения «чувствительностью» делает произведение оригинальным и необычным для того времени. Песни, о которых говорит поэт в последних строках, свидетельствуют о необычности таланта Муравьева, так как в центре его внимания станет человек, его частная жизнь, окружающая его природа, мир единый и разнообразный, увлекательный и многосторонний, к постижению которого будет стремиться в своей поэтической практике Муравьев. Поэзия для него станет страстью, любовью и отрадой:

Пусть я влиянья не имею,
 Но то всегда сказать посмею,
 Что я давно служебник муз.
 Тринадцать лет не миновалось,
 Охотой сердце порывалось
 К творцам стремиться в союз.
 Влеком непобедимой страстью,
 Ко неминуему несчастью
 Влюбился в гибель я свою:
 Стихи влекли меня насильно,
 В устах я их носил обильно
 И душу восхищал свою...

Эти строки-признание, раскрывающие желание автора отражать в слове чувства поэта, свидетельствуют о времени первых поэтических опытов Муравьева.

Влияние Ломоносова на Муравьева было широко и многообразно. Сказывалось оно и на художественно-образной системе поэта. В качестве примера можно указать на функцию эмоционального эпитета.

Исследуя особенности поэтической системы Муравьева, З.М.Петрова отмечает ведущую роль эпитета в подготовке поэтического словаря русского романтизма, потому что именно в эпитете все основные темы и мотивы творчества Муравьева находят свое выражение [Петрова 1982].

Подобная точка зрения находит свое подтверждение при анализе поэзии Муравьева. Несомненно, большинство произведений поэта отличаются эмоциональной окрашенностью, экспрессией, которые создают особый поэтический мир Муравьева, свидетельствуют о его настроении, отношении к окружающей действительности, вниманию к миру души и сердца. Для его художественной системы характерен показ внутреннего мира человека, разнообразие его состояния и все это фиксируется в образном определении – эпитете, ряд эпитетов – свидетельство тому: непобедимая страсть, неминуемое несчастье, сладкая тоска, бесполезные желанья и т.п. Эмоциональный эпитет вносит в его стиль поэтическую окраску, обновляет лексический состав стихотворения, придает им лиричность, которую он более всего выделял в ломоносовском творчестве, особенно в одическом жанре, где «удивительная лиричность» сочеталась со страстью и наполненностью произведения жаром души и сердца. Доказательность подобного является запись в дневнике «Мысли о стихосложении»: «Ломоносов умел так сделать, что путая стихи его, позабудешь, что они не гладки, хотя где и есть. А сие добавлял он себе великолепным изречением слога своего...» [РНБ Ф.499, 27: Л.3]. «...Ода требует восхищения, она вся в мечтаниях, наконец, на пенье, а не сухия правила, не в природе. Ломоносов перебегают из картины в другую, он забывает, он всегда воображает: вот Лирик. А сцен беспрестанных заключений вы у него не найдете: этому препятствовал жар его. Напротив того, П... <Петров – С.С.> наполняет свои оды не картинами, а мыслями. Это делает их ... не так сладостивыми, как Ломоносовския.» [РНБ Ф.499, 27: Л.6].

Поэтическая система Ломоносова была в целом близка Муравьеву. Выдвигаемое на первый план требование «лиричности», которой были наполнены большинство произведений Ломоносова, легло в основу его поэтической концепции, стало неотъемлемой частью многих поэтических открытий Муравьева. В 70-е годы XVIII века в поэзии Муравьева наметился отход от традиций классицизма, его творчество было насыщено решением новых проблем стихотворства, освоением новой тематики, что вело к употреблению новых языковых средств, на что указывал в свое время Г.А.Гуковский. Обратив особое внимание на специфику поэтического словаря Муравьева, он отметил у него тот факт, что в его поэзии «формируется тот поэтический словарь, который характеризует поэтику Жуковского и Батюшкова» [Гуковский 1938: 251].

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что примером для Муравьева в стихотворстве был М.В.Ломоносов. Его поэтическая система была в целом близка начинающему автору. Выдвигаемое на первый план требование «лиричности», которой были наполнены большинство произведений М.В.Ломоносова, легло в основу поэтической концепции М.Н.Муравьева, стало неотъемлемой частью его поэзии.

Литература

- РНБ. Ф.499. №27 (Архив М.Н.Муравьева).
 Гуковский Г.А. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938.
 Жуковский В.А. Письмо к И.И.Дмитриеву // Русский архив. 1866. С.12.
 История русской литературы: в 3 т. Л., 1947. Т.3. С.340-342.
 Кулакова Л.И. Радищев о Ломоносове // Литературное творчество Ломоносова. Исследования и материалы. Л., 1962. С.4-42
 Ломоносов М.В. <Стихотворения, оды> // Ломоносов М.В. Полн.собр.соч. Т.8. М., 1959. С.10-15.
 Муравьев М.Н. Похвальное слово Михайле Васильевичу Ломоносову. Писал лейб-гвардии Измайловского полку каптенармус Михайло Муравьев. СПб., 1774.
 Муравьев М.Н. Выписки из произведений античных и европейских писателей // РНБ. Ф.499. <33 с.>.
 Муравьев М.Н. Опыты истории философии. // РНБ. Ф.499. №24. Л.11.
 Петрова З.М. Эпитеты М.Н.Муравьева // Язык русских писателей XVIII века Л., 1982. С.151-166.

Резниченко Л.И. Сергеева Е.П. М.В.Ломоносов и М.Н.Муравьев (К вопросу о специфике художественного образа в предромантической поэзии) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Метод и жанр. Л., 1985. С.79-85.

Уткина Н.Ф. Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1986. С.126-145.

Щеблыкин И.П. Михаил Ломоносов. Очерк жизни и поэтического творчества. М., 1969.

Т.Е.Абрамзон

Магнитогорск, Магнитогорский государственный университет

Именная парадигма Ломоносовского мифа в творчестве М.Н.Муравьева

1. В начале мифа о Ломоносове было имя, точнее, четыре имени. В «Эпистоле о стихотворстве» (1747) еще дружески настроенный к Ломоносову Сумароков вписал имя будущего соперника в ряд образцовых поэтов, присвоив ему имена двух великих лириков Древней Греции и Франции Нового времени: «Он наших стран *Мальгерб*, он *Пиндару* подобен» [Сумароков 1957: 125]. Имя Пиндара, в лирическом восторге отданное Ломоносову, на несколько десятилетий станет самым частотным метафорическим замещением Ломоносова-одописца в литературе и публицистике, хотя и не единственным.

В этом же 1747 году сам Ломоносов задал иную – научную – соревновательную парадигму имён, провозгласив, что «может собственных *Платонов* / И быстрых разумом *Невтонов* / Российская земля рождать». Два удачно рифмующихся имени обозначили «крайние» (на тот момент) точки в истории мысли – от древнегреческой философии до европейской науки XVIII века (прием, типологически близкий одическому пространственному топосу «от... до» – «*От Белых вод до Черных*»). Научная деятельность Ломоносова позволяла соотнести его самого с названными им великими учеными, что и произошло в дальнейшем.

Парадигма, в рамках которой складывается и развивается миф о Ломоносове, обретает два модуса – *литературный* и *научный*. Каждый из них представлен вершинными именами, маркирующими временной отрезок от